

1898. 17 июля. № 3777.

C. 1.

Ваша книга по истории религии А. Тейлора —
лучший подарок А. Сидорова из библиотеки
Библиотеки.

[illegible]

бродяжничество въ районы. На чужбине, одиноким, подвергаясь различным лишениям, онъ скупился у суровыхъ отъ сыновъ и дочерей дяди, дѣла и перемена отъ воспитания, и такъ рада различнымъ лишениямъ тѣмъ, что живуть французы, живущимъ тутъ въ Франціи. Въ «Дядюшка» изображены фигурируютъ дѣти, чадолюбивые родители которыхъ отъявляются въ гости, оставивъ дѣтей на и чужбине, прислугу, и дѣти, брошенныя безъ прислуги, занимаются тѣмъ, что играютъ въ карты на деньги. «Дядюшка» — русская гуманизация, и чужбине этого беззастѣнчиваго чина многихъ нашихъ семей реализовано обращено въ рассказъ всего въ одиннадцатой страницѣ. «Драма» — трагикомическій рассказъ, въ которомъ изображенъ типъ «сочинителя», пѣвчо читающаго всѣмъ и каждому своимъ произведеніямъ и доводящаго невозможныхъ саушителей до полного осатанѣнія и т. д., и т. д. Чуждость Чехова къ жизни наглядно выразилась въ томъ обилии людей безъ воли, которыхъ онъ пугаетъ въ своихъ произведеніяхъ. Люди этого типа представляются Чеховымъ въ цѣломъ рядѣ разповидностей, какъ это есть и въ дѣлительности. Тутъ и нытики всѣхъ сортовъ, пѣвчо брѣвущіе, всѣмъ невозможные, но неспособные ни къ какой активной борьбѣ съ тѣмъ, чѣмъ они недовольны; и малпуньи на все руки и покорно вдушіе туда, куда ихъ вдутъ вѣвншія обстоятельства и т. п. Въ отъ элементъ нашего общества наши свое мѣсто въ книгахъ Чехова. Встрѣчаются у него, подчасъ, и положительные типы: таковы, напримѣръ земскій докторъ Астровъ въ пьесѣ «Дядя Ваня». Докторъ этотъ — такой же простой смертный, какъ и въ окружающіе его. Онъ также съ апетитомъ ѣсть, попиваетъ водочку, огрубѣлъ въ манерахъ въ выраженіяхъ при постоянныхъ побѣдахъ по вѣхъ дѣлительнымъ дѣламъ. И въ положительной своей дѣлительности онъ не выдѣляется изъ среды многихъ и многихъ такихъ же грачей, работающихъ ни нашихъ невозможныхъ деревенскихъ условияхъ. Но онъ не превращаетъ своего живого дѣла въ отбываніе повинности, не махалъ на все руки въ виду того, что «все равно ничего не подвѣдешь». Онъ вѣтеранъ всей жизни, однихъ и, въ частности, того угла, въ которомъ онъ работаетъ. Такъ, онъ составилъ карту своего угла, въ которой наглядно показано постепенное окраиваніе жизни этого угла. Прежде всего карта эта представляетъ картину угла, каковыя онъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ:

мъ... И пожелание, что фабу и фабу...
На этомъ сѣдѣ ждемъ продолженія, тѣмъ, убо,
и, какъ говорится старыми, иными
иными была сила, иными-иными...
Иными сѣдѣ и другими, иными, тамъ и
иными разбрасывали разные предметы, хуто
речи, разбрасывали сѣдѣ, иными
иными... Ровнато сѣдѣ и дожда-
и/ма много... Теперь посмотримъ иныи.
Тутъ уже подѣ зѣдѣи только одна
зѣдѣи тѣмъ пасажу. Кому уже иныи, но
иныи сѣдѣ. Иными и голуби праски
уже каждаи. И такъ даи, и такъ да-
и. Переходимъ къ третьей части: иныи
иными зѣдѣи отъ иныи. Печатаи зѣдѣи
и зѣдѣи и глутари. Отъ иныи иныи
иныи, иныи, иныи, иныи, иныи
и сѣдѣ иныи. Въ общемъ, картка
по иныи и иныи вырощенія,
иному, иному, остается еще
иныи-ибудѣ 10—15 зѣдѣ, чтобы стать
иныи. Вы скажете, что тутъ куль-
турная зѣдѣи, что старая жизнь есте-
ственно должна уступить новой. Да, и
иными, иныи на мѣстѣ отахъ иныи
иныи зѣдѣи прогнати шоссе, же-
зѣдѣи дорога, если-бы тутъ были за-
воды, фабрики, школы, народъ сталъ бы
здоровѣе, богаче, умнѣе, но вѣдѣ тутъ
ничего подобнаго. Въ увѣдѣ тѣ же бо-
дѣи, комары, то же бездорожье, нише-
та, тифъ, дифтеритъ, пожары... Тутъ
мы видимъ дѣло съ вырожденіемъ вслѣд-
ствіе непосильной борьбы за существо-
ваніе; это вырожденіе отъ ксности, отъ
дѣвѣдѣи».

Вотъ что безпокоитъ человѣка, вотъ что занимаетъ этого деревенскаго доктора, не довольствующагося тѣмъ, что онъ отпустилъ маля и настоящей своимъ пациентамъ, а еще рѣшающагося поглядѣть и вдуматься себѣ, изъ-за своихъ бановъ и хирургическихъ инструментовъ.

Недавно один писатель рассказывал о своей беседе съ графомъ Л. Толстымъ о Чеховѣ. првчѣтъ, по словамъ рассказчика, Л. Толстой отговаривался о Чеховѣ, какъ о талантѣ, пренишающемъ таланты всѣхъ современныхъ русскихъ писателей. не исключая даже и таланта самого Л. Толстого. Послѣдній, въ доказательство необыкновеннаго снлаго дарованія Чехова, указывалъ на его умѣнье въ вѣскозкихъ страницкахъ рисовать цѣлыя картины, давать нскладную того или другаго душевнаго состоянія и пронаводить при томъ громадное впечатлѣніе на читателей. Въозможны для прмѣра разсказы „Тоска“ (изъ сборника „Стрѣлы разсказы“). Сюжетъ разсказа самый несложный. Стоитъ повозчикъ, одинъ въ десяти тысячахъ петербургскихъ извозчиковъ, — снчѣній, маленькій, растатъльво не для кого не интересны. Никто изъ тѣхъ, кто садится на пролетку этого повозчика,

Киевское слово.

1898. 17 июля. № 3777.

С. 1.

не думать, не думать ни о чем, быть по-чужа, живущего своей самостоятельной жизнью, у которого свои гурesti и радости. Сказав: быть и остаться, что означало быть вечно и постоянно, отключился то на прощание, то на свидании. И вдруг, внезапно, поворачиваясь, сел старческое лицо в седую и ви сь того ви сь его превращение: „а у меня, братъ, тоже... сынъ на этой неделе умирал!“ Но седую нить до этого дела, седую нить не было расположено высказывать, выговаривать и слышать. Проворчал въ заговаривать о своемъ, гдѣ съ дворянами тѣхъ демоновъ, у которыхъ онъ отапливался, но и тѣ отъ-вѣдали тоскующему отцу власицкииъ возгласомъ: „Чего сталъ адѣсь? Проѣзжай!“ И вотъ измученный старикъ, которому надо непременно выплакать свое горе, идетъ съ отцомъ цѣлымъ... въ своей лошади! „Онъ одѣвается и идетъ въ конюшню, гдѣ стоитъ его лошадь. Думаетъ онъ, объ овсѣ, сѣнѣ, о погодѣ... Про сына, когда онъ одинъ, думать онъ не можетъ.“

— Жуешь?—спрашиваетъ Юна свою лошадь, видя ея блестящія глаза.—Ну, жуй, жуй... Коли не овсѣ не выѣдали, сѣно быть будеть... Да... Старъ ужъ сталъ и бѣднѣ... Сыну-бы бѣднѣ, а не мнѣ. То настоящий извозчикъ былъ... Жить-бы только...

Юна молчитъ нѣкоторое время и продолжаетъ:

— Такъ-то, братъ выключка... Чѣту Куалы Юныча. Провкавалъ долго жить... Ваялъ и померъ зря... Тапери, скажемъ, у тебѣ жеребеночекъ, и ты отому жеребеночку родная мать... И вдругъ, скажемъ, ототъ самый жеребеночекъ привалялъ долго жить... Вѣдь жалко?

Лошаденка жусть, слушаетъ и дышитъ на руки своего хозяина...

Какимъ ужасомъ вѣсть отъ этого разсказа. Сколько людей находится въ положеніи такого же одиночества, при которомъ человеку самыми задушевными мыслями приходится дѣлиться, если не съ лошадью или собачкой, то, подчасъ, съ четырьмя стѣнами своего удивеннаго жилища!... Такихъ нравственныхъ ужасовъ не мало въ современномъ обществѣ, не мало указывалось и средствъ, ведущихъ если не къ полному исчезновѣнію этихъ ужасовъ, то хотя-бы къ ощутительному ихъ ослабленію. Объ одномъ изъ такихъ средствъ пишетъ польская писательница Эльза Ожешко въ открытомъ письмѣ къ немецкимъ женщинамъ. Открытое письмо было написано Эльзой Ожешко въ отвѣтъ на заявленіи симпатіи и уваженія со стороны представительницъ женской нѣмецкой интеллигенціи по случаю 25-лѣтія литературной дѣятельности польской писательницы, и переводъ его находимъ те-

перь въ „Нарциссѣ Оберлина“. Восторженно-привѣтливѣе нѣмецкѣ женщины были выражены въ 4-хъ адресахъ, въ 1-мъ адресѣ нѣмецкѣ общества, въ 2-мъ адресѣ съ нѣмецкой стороны отъ женщинъ, не принадлежавшихъ ни къ какому обществу. Нѣмецкія женщины познакомились съ произведеніемъ Ожешко въ 1884 г., благодаря своей издательницѣ, Лаврѣ Ирвингъ, которая впервые сначала „Мечта Іонъ-Фрича“, а затѣмъ „Марту“ и др. „Марта“,—произведеніе, въ которомъ польская романистка даетъ типъ женщины, получившей блестящее свѣтское образованіе и ничего въ сущности хорошо не знающей, отвѣтственной за жизнь ребенка и не умѣющей поддержать даже своей собственной,—произвела на умы и сердца нѣмецкихъ женщинъ сильное впечатлѣніе и имѣла въ Германіи громадный успѣхъ: цѣлая общность и отдѣльныя лица съ помощью рефератовъ и публичныхъ лекцій старались познакомиться съ содержаниемъ „Марты“ болѣе широкій кругъ женщинъ: они видѣли въ этомъ произведеніи новый призывъ къ борьбѣ за свои права. Неудивительно, поэтому, что нѣмецкія женщины горячо откликнулись на чествованіе юбилей польской писательницы. Въ „Открытомъ письмѣ“ Эльза Ожешко выражаетъ свою радость и гордость по поводу громадныхъ успѣховъ, достигнутыхъ женщинами на поприщѣ науки и спеціального образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ скорбитъ о томъ, что многія женщины, въ своемъ увлеченіи наукой, упустили изъ виду, что въ сущности вся жизнь человѣка сводится къ одной великой цѣли—къ осуществленію добра. Но такъ какъ Ожешко вѣрнѣ въ женщину и считаетъ ее представительницей нравственнаго элемента въ человечествѣ, то она и думаетъ, что современныя женщины примутъ коллективно за дѣятельное выполненіе своей исторической задачи. Она рекомендуетъ взять женщинамъ образованіе *союзъ добродѣтели*, который долженъ обизывать своихъ членовъ, между прочимъ, къ нравственному самосовершенствованію; кромѣ того, союзъ долженъ „подготавливать лучшую эпоху будущаго, распространяя повсюду—дома, въ школахъ, въ обществѣ, въ литературѣ—свѣтлыя, хорошія мысли и проповѣдуя миръ и согласіе между людьми; и наоборотъ, словомъ и дѣломъ сопротивляться всему, что представляетъ собою нравственное или физическое насилие, производимое единичной или коллективной личностью надъ другой такою же личностью; вставать противъ всего, что даетъ возможность угнѣтать другихъ и захватывать себѣ лучшіе куски на жизненномъ пути и сталкивать другихъ въ пропасть нищеты“.

Киевское слово.

1898. 17 июля. N:3777.

С. 1.

(Мужчины). В частности в отношении в Гуманизм, который должен был быть таков: «Из-за этой великой цивилизованной страны, которая пришла на одну реформу в области духовной жизни, потому, впрочем и в духе нашего должно было нечто остаться от сущности наших мыслителей, от любви в дуализм, потому наш родим. Так, где борются Листер и Меланктон, где мыслями Кант, Гегель и Гердер, где играли Бах и Бетховен, где писали Гете и Шлегель, там человеческая душа должна быть похожа на скалу Моисея, для которой достаточно прикосновения чудесной тросточки, чтобы чистым и хорошим чистота стала быть из нее излучать».

Лучшая часть письма, однако, — не столько положительные приветия Элизе Ожешко, носящие сентиментализм — утопический характер, сколько те краски, какими она рисует нашу большую современность. «На всем пространстве небесного свода трудно было бы выписать описание всех благословений, совершенных в физической и нравственной области и подаренных миру его властелинами — мужчинами, которые собственно одни до сих пор и управляют им». Из первобытного состояния довели они человечество до той степени материальной и умственной культуры, на которой оно находится теперь. Что мужчины создали земледелие, промышленность, науку, искусство — это факт, отрицать который мы не должны, чтобы несправедливыми суждениями и различными претензиями не повредить нашему делу. Если, однако, посмотреть на цивилизацию с другой точки зрения, т. е. с точки зрения справедливости, доброты, душевной чистоты, любви к ближнему, то легко можно убедиться, что в этом направлении цивилизация наша до сих пор дала очень удручающие результаты. Были многие попытки: к этой цели стремились религии и философия школы, из-за этой цели умирали люди на кресте и в тюрьмах... И что же? Наше столетие, сдерживавшее все другие своими отрицательными и своей роскошью, приближалось к концу, издавая всеобщий крик: Homo homini lupus! Нет такого ключа земли, с которого что-нибудь не захотят бы столкнуть другого, нет такого стола для нарушителей, воздвиг которого не ажила бы несчастные Лазаря! В товарищеских отношениях — отсутствие живого интереса и симпатии; в международных отношениях — целые миллионы вооруженных людей, направленные друг на друга машинами огнестрельными и электрическими»...

Элиза Ожешко, известная своей чуждой публике как беллетристка,

вышла из этого рода в польском обществе с известным успехом. С детства она была дано талантом. В свои пять лет она выступила на Польской сцене в роли маленькой женщины, так называемой «жюжетки», во главе которой стояла польская писательница Норина Жонковская. Писательница «жюжетки» возбудила снисходительного женовского органа «Ривю»... Хотя «жюжетки» славой и достигли, но вставали против рутины, хотя они становились самыми широкими жданы, но жили в сфере отвлеченных идеалов, не считаясь с условиями действительной жизни, они сыграли весьма скромную роль в деле женского прогресса и только подготовили для него почву. В шестидесятых годах произошло опять женское движение, но уже на более твердой почве. Выразительницей этого движения и явилась Элиза Ожешко, которая в самом начале своей литературной деятельности возвысила голос в пользу женской эмансипации. Так, вслед за «Мартой», напечатанной в 1871 году, появилась ее книга «Несколько слов о женщинах», в которой Ожешко призывает женщин начать с малого и не брезгать никаким трудом, лишь бы обрести материальную независимость и спасти свое человеческое достоинство. В других своих произведениях польская писательница хотя и не занимается специально женскими вопросами, но в них нет ни одного из тех пошлых женских типов, которыми так изобилует литература последнего времени; напротив того, в романе «Два полюса» (Dwa bieguny) она противопоставляет представителю конца века, слабоумному эстету, кривую натуру женщины с сознательной волей и мужественным сердцем. Косвенное влияние Ожешко на женщин заключалось в том, что во время ее повестей, читаемых почти всеми грамотными польскими женщинами, она всегда развивала гуманитарные идеи, возмущалась против нетерпимости во всем ей издавать: например, на почве национальности (Дан Макон (р)), на почве религиозной («Мертв. Иоанн Фомич») и сословной («Надв. Павлинов»), против угнетения карьерой («Два брата») и т. д. За все это не может не быть благодарной ей и та часть русского общества, которая все свои надежды относительно осуществления братских отношений между Польшей и Россией возлагает на постепенное распространение идей взаимно-гуманитарной терпимости. С.